

УДК 75.046.071:929Шапошникова

ОТ ПОЭТИКИ МИФА К ПРОСТРАНСТВУ ТВОРЧЕСТВА: ТУЙААРА ШАПОШНИКОВА

В.В. Тимофеева

*Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия),
г. Якутск, 677000, Россия*

Аннотация

В статье художественный процесс рассматривается как один из способов репрезентации, трансляции и трансформации этнических мифологических смыслов и символов, адаптации их к новым условиям поликультурного бытования. Туйаара Шапошникова (род. 1967) – яркий представитель современного изобразительного искусства Якутии, сочетая методы европейской художественной школы и приёмы народного традиционного творчества, создаёт произведения, которым свойственны ассоциативность и полисемантизм. Искусство художницы пронизано символами, метафорами традиционной национальной культуры. Ей принадлежит цикл цветных литографий на сюжеты устных исторических преданий, посвящённых Эллэю – культурному герою, предку народа саха. Его образ, выражающий силу рода, привлекает своими символическими возможностями. Миф посредством цитаты фольклорного сюжета и выражения культурно-исторических архетипов органично входит в структуру литографий. Для работ характерны нарядная декоративность общего решения, связанная с использованием геометрических орнаментов, симметричное или уравновешенное построение композиции, плоскостность, условность рисунка.

Ключевые слова: изобразительное искусство Якутии, композиция, стиль, образ, миф, символ, контекст, фольклор

Мифологические и фольклорные мотивы, генерирующие и накапливающие культурные смыслы, приобретают высокую ценность в современном изобразительном искусстве Якутии. Они являются важным условием сохранения самобытности и целостности национальной культуры, а искусство выступает посредником в диалогических отношениях между этнической и русской, а также мировой культурами. Сочетая методы европейской художественной школы и приёмы традиционного народного творчества, современные авторы создают композиции, для которых характерны не только ассоциативность и полисемантизм, но и интертекстуальность. Поэтика мифа ищет воплощения в выразительном языке эстампа. Гравюры и литографии представляют собой новую ткань, состоящую из культурных кодов, мифологических формул, ритмических структур. Реализация интертекстуальности осуществляется в виде явных цитат, аллюзий, реминисценций. Мировое древо, Мировая гора, Дом, Дорога, Человек –

это концепты, на основе которых формируются художественные образы произведений якутских мастеров.

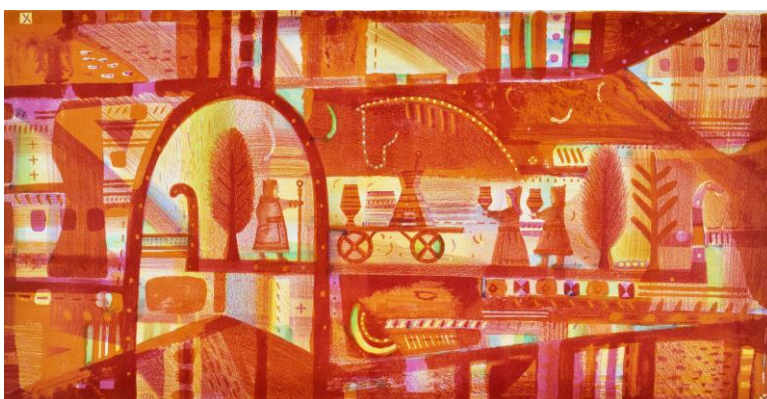
В общетеоретическом плане при анализе произведений автором статьи использован структурно-семиотический метод, разработанный в трудах Ю.М. Лотмана [1], С.М. Даниэля [2], Б.А. Успенского [3]. Круг художественных проблем, который определён в работах М.М. Бахтина [4], Г-Г. Гадамера [5], занимает одно из центральных мест в данном исследовании. Большую методологическую ценность для настоящей статьи представляют исследования Ю. Кристевой [6, 7], которая выдвинула концепцию интертекстуальности, означающую особые диалогические отношения текстов, строящихся как мозаика цитат. Важным источником для изучения обозначенной темы стали работы, анализирующие изобразительное искусство не только в контексте его культурологического и семиотического осмысления, но и с точки зрения теории композиции. В этом отношении методологической основой работы выступают классические труды М.В. Алпатова [8], Н.Н. Волкова [9], В.А. Фаворского [10], Ю.Я. Герчука [11] и др. Серьёзную роль в осмыслении искусства Якутии сыграли исследования И.А. Потапова [12–13], первого якутского искусствоведа.

Новизна исследования заключается в отсутствии специальных работ, посвящённых особенностям трансляции образов мифологического сознания в современном якутском изобразительном искусстве. В настоящей статье эти вопросы рассматриваются на материале произведений Туйаары Шапошниковой¹. Искусство якутского автора, органично связанное с мифологическим символизмом, до сих пор не получило должного освещения в литературе.

Т. Шапошникова создаёт цикл литографий на сюжеты «Эллэяды» – сборника устных исторических преданий, повествующих о первопредке якутов Эллэе и происхождении отдельных родов и улусов. Исторические сказания были собраны в 1921–1926 гг. Г.В. Ксенофонтовым и переведены им на русский язык. Произведения устного народного творчества получили воплощение в декоративно-плоскостных композициях, воссоздающих традиционную картину мира этноса. В настоящей статье будут рассмотрены литографии «Путь Эллэя», «Дом Омогоя» и «Мудрость в заплечных мешках», созданные Т. Шапошниковой в 2000 г.

В основу цветной литографии «Путь Эллэя» положен сюжет о том, как Эллэй Боотур в поисках новых земель плыл по реке Лене и ему привиделось в отражении воды счастливое и изобильное мироустройство: загоны, полные скота, кумысная утварь, нарядные юрты. Согласно преданию, впоследствии именно он впервые соорудил *урасу* – коническое летнее жилище, изобрёл дымокур, изготовил кумыс и вырезал для него узорную посуду, устроил первый *ысыах* – летний кумысный праздник (Э., с. 31).

¹ Туйаара Ефимовна Шапошникова – график, иллюстратор, живописец, заслуженный деятель искусств Республики Саха (Якутия), член Союза художников России. Родилась в 1967 г. в Якутске. В 1986 г. окончила Якутское художественное училище, в 1993 г. – Красноярский государственный художественный институт, факультет станковой графики (мастерская В.Н. Петрова-Камчатского). В 1993–1996 гг. работала в творческой мастерской графики Российской академии художеств в Красноярске (руководитель – профессор, член-корреспондент РАХ Н.Л. Воронков). Произведения Т.Е. Шапошниковой хранятся в Национальном художественном музее Республики Саха (Якутия), художественных музеях республики, частных коллекциях Якутии и России.

Т. Шапошникова. Путь Эллэя. 2000. Бумага, цветная литография. 40×80²

Т. Шапошникова. Дом Омогоя. 2000. Бумага, цветная литография. 48×61.5

Т. Шапошникова. Мудрость в заплечных мешках. 2000. Бумага, цветная литография. 45.5×60.3

² Оригиналы представленных репродукций хранятся в Национальном художественном музее Республики Саха (Якутия).

В композиции речного пейзажа острые берега, блики на водной глади превращаются в орнаменты, сакральные знаки. Ощущение сна, погружённости в мир грёз придаёт особое очарование видению опозитизированной церемонии: мужчина и женщина в традиционной якутской одежде преподносят старейшине массивные кубки-чороны³ с кумысом. Изображены не конкретные персонажи сказания, а собирательные образы в ритуальном действии. Причём мироустроительная идея, положенная в сюжет графического произведения, несёт оптимистический заряд. Вибрирующей фактуре литографии созвучен свободный, пронизанный динамическими ритмами, энергичный рисунок. Геометризованное пространство терракотовых линий создаёт устойчивый каркас композиции, светлые всполохи зелёного, жёлтого передают движение времени, динамику жизни. Известно, что красный цвет в мифологии якутов и других тюркских народов служил маркером солнечного мира людей, южной стороны [14, с. 54]. Гармония целого создана посредством игры цветовых сочетаний, она рождает в воображении зрителя бесконечные ассоциации с описаниями идеализированной земли *олонхо*⁴, страны вечного лета, изобилия, счастья. Интересно, что существует более ранний вариант этого эстампа, выполненный в синем тоне. Туйаара Шапошникова, осознанно меняя холодный спектр на тёплый, создаёт мажорную, жизнеутверждающую картину.

Цветная литография «Дом Омогоя» создаёт ощущение иного духовно насыщенного космоса. Лист изобилует множеством сюжетных перипетий, этнографическими подробностями – все эти разнородные элементы образуют своеобразное, несколько загадочное целое. Подчёркнуто изысканная в цвете и рисунке композиция будто всплывает из дымки воспоминаний о белой ночи. Цветовой диссонанс синего и розового рождает в зрителе чувство тревоги, и это не случайно. Драма древнего повествования заключается в гибели дочери-красавицы Омогоя Баая, любовь которой была отвергнута Эллэем. Согласно преданию, хозяин дома предлагает работнику Эллэю жениться на одной из своих дочерей, герой по чудесным приметам избирает себе в супруги нелюбимую некрасивую дочь бая (Э., с. 30).

Лист «Дом Омогоя» делится на три условные части, которые уподобляются трём мирам: верхнему, среднему, нижнему. Этот приём включается в систему смыслов, связанных с сюжетом легенды. Композиционный верх занимает изображение якутского зимнего жилища – *балагана*. Дом одновременно напоминает тёмную гору и мрачную личину – это многомерный образ хозяина. Омогой Баай – один из легендарных родоначальников якутов, первый, кто поселился в долине Туймаада. Показательно, что к имени Омогой постоянно прибавляется эпитет *Баай* в значении ‘патриарх, почтенный глава семейства, рода’. В предании его образ воплощает время предков и старый уклад быта. Трансформация значений ‘гора’ → ‘дом’ → ‘предок’ близка традиционным представлениям тюрко-монгольских народов.

³ Чорон – деревянный цилиндрический кубок для кумыса, украшенный резьбой, иногда медными обручами с подвесками (СЯЯ, стб. 3650).

⁴ «Олонхо – самый крупный эпический жанр якутского фольклора, состоящий из большого числа сказаний (поэм) о подвигах древних богатырей» [15, с. 181].

Рядом с *балаганом*, воздев руки к небу в мольбе, стоит любимая дочь Омогоя; ушло от неё солнце, только луна светит. По сюжету, отвергнутая Эллэем красавица Нурулдан-куо умирает. Во время *ысыаха* погибает и сам бай как носитель патриархальных традиций, который не может согласиться с новыми порядками, установленными Эллэем. Со смертью Омогоя Баайя уходит прошлый образ жизни, наступает новое время (Э., с. 30–31).

Показательно, что в центре листа расположены ключевые символы скотоводческой культуры саха: коновязь (*сэргэ*), изгородь (*куруу*), кони. Летящая птица привносит динамику в пейзаж, развивая тему времени и пространства. Эта часть композиции связана с поэтическим описанием, как Эллэй в поисках новых земель плыл по реке Лене на коряге, которая, «отражаясь в воде, казалась ему светло-серым жеребцом с тёмным крыланом на оплечьях» [1, с. 29–30], а на поверхности воды ему рисовались стойла для жеребят, кумысная посуда, дымокур.

Соединяет нижнюю часть листа со средней изображение нарядной берестяной юрты. Образы горы, дома, предка сливаются в одном изображении, при этом подтекст тут иной по сравнению с рисунком зимнего жилища – *балаганом*, который соотнесён в композиции с Омогоем Баайем. Выразительными графическими средствами автор противопоставляет зимнее жилище *балаган* летней юрте *урасе*. Первое изображение тёмное, мрачное, довлеющее над окружением; второе, наоборот, лёгкое, светлое, жизнеутверждающее. Известно, что в рамках традиционной культуры якутов зима осмысливалась как смерть, сон, а лето – как жизнь. Кроме того, согласно древнему обычаю, летнее берестяное жилище входило в приданое невесты, являясь знаком достатка семьи и мастеровитости девушки. Изготовление узорных берестяных покрышек юрты считалось женской работой [16, с. 21].

Отметим, что солярный знак на берестяном жилище перекликается с изображением светила в условном небе композиции. Декор реализует эстетическую и знаковую функцию. Эта важная деталь в контексте произведения свидетельствует об избранности богами будущей семьи. Тёмные вертикальные штрихи в центре *урасы* – это дым очага, который устремлён к солнцу. Изображение дыма, стремительно прорывающегося к небу, соединяет три части композиции, становясь своеобразной осью мира, связующей обитателей жилища с ушедшим поколением предков, представленных наверху, и с окружающим миром, концентрированно выраженным в средней части литографии. Дым – своеобразный символ жизни рода, его продолжения.

В нижней части литографии «Дом Омогоя» рядом с изображением *урасы* вырисовывается силуэт коровы. По легенде, Омогой прогнал зятя с нелюбимой дочерью на окраину земли, отдав приданое, состоящее из одной плохонькой коровы (Э., с. 47). Показательно изображение рогатой скотины в условном низу композиции. Согласно мифологическим представлениям якутов образ коровы тесно связан с нижним миром, а также с женским началом. В сказании упоминается, что смуглая дурнушка, будущая жена Эллэя, занимается самой тяжёлой чёрной работой, доит коров, чистит хлев (*хотон*) (Э., с. 41). В структуре композиции «край земли» художницей соотнесён с краем листа. Именно здесь стоит крохотная фигурка старшей трудолюбивой дочери Омогоя Сыспэй-Сысыах

(Растрёпанная коса), она опустила кумысную мутовку в кожаный сосуд – *си-мир*. Действие девушки содержит глубокий смысл и обладает брачной символикой. Кумыс – священный напиток, в мифах тюркских народов процесс его брожения сравнивается с продуцирующим творением мира. Имеется в виду известный космогонический мотив рождения нового мира при помощи пахтания – взбивания из сливок масла.

Неслучайно холодная гамма оттенков «Дома Омогоя», олицетворяющая ночные сумерки, противопоставлена «горячим» цветам литографии «Путь Эллэя». По историческим преданиям, Омогой Баай представляет монгольскую ветвь генеалогического древа якутов, Эллэй – тюркскую. Во всех вариантах сказаний образ Омогой Баая, консерватора, приверженца косных, патриархальных традиций, противопоставлен культурному герою и новатору Эллэю, который воплощает новый, счастливый мир. Все предания якутов сходятся в том, что именно от сыновей Эллэя произошли пять якутских *улусов* (Э., с. 46).

В основе работы «Мудрость в заплечных мешках» лежит контраст мощных фигур и динамичного образа мира. В пространство, созданное вертикальными линиями, свободно вписан силуэт идущего человека с сумой за спиной, всё построено на взаимодействии героев с пластически насыщенным фоном. Приглушённые краски, будто окутанные предгрозовым полусумеречным воздухом, создают цветовое единство, в пределах которого и развиваются богатые соотношения и градации тонов. Название литографии навеяно сюжетом из «Эллэяды», в котором герой посадил в перемётную суму слепого отца и, пользуясь советами мудрого старика, держал путь на север в поисках новой родины. *Кырдыбааны хаанакка хаайа сылдыан субэлэт* («Держи старика в суме, чтобы следовать его советам»), – гласит народная поговорка. Содержание произведения – память предков, восходящая к архетипу кочевника, который символизирует изначальное стремление человека к постижению истины.

Обращаясь к фольклору, Туйаара Шапошникова проявляет композиционное чутьё, умение организовать плоскость красочных пятен и при этом добиться одухотворённости изображаемых персонажей, в которых прихотливо соединены эпичность и лирика.

В заключение отметим, что особенностью трансляции образов мифологического сознания в профессиональном искусстве Якутии является создание нового концептуального изобразительного языка, тесно связанного с национальной ментальностью и картиной мира носителя традиционной культуры. Как свидетельствует анализ творчества Т. Шапошниковой, произведения современных художников способны вбирать в себя любые элементы накопленного опыта, интерпретируя (прочитывая) его удобным для себя способом и соотнося с другими культурными текстами. В изобразительном искусстве Якутии идёт процесс адаптации материала к инокультурному восприятию, в результате чего преодолевается замкнутость и односторонность фольклорных образов и мотивов, раскрывается смысловое единство культур. Рецепция и интерпретация мифа у якутской художницы значительно глубже его использования как аллюзии и аллегии – это пример серьёзного усвоения традиции. Интуитивно поддавшись логике мифа, Туйаара Шапошникова обнаруживает параллель макро- и микрокосма; современный автор выстраивает произведения по образу мировидения человека

традиционной культуры, воспринимавшего сущее в строгой упорядоченности. В графических листах прослеживается чётко выраженная архитекtonика. Композиции развёртываются в целостный духовный космос, многоуровневое смысловое пространство. В литографиях мифологическая символика взаимодействует с рационально понимаемым сюжетом сказания, сознательно использованной условностью и утончённой графической, цветовой, композиционной разработкой конкретного образа.

Источники

- Э. – *Ксенофонов Г.В.* Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Якутск: Бичик, 2004. – 352 с.
- СЯЯ – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка: в 3 т. – Якутск: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 3. – 2509–3858 стб.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академ. проект, 2002. – 543 с.
2. *Даниэль С.М.* Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. – Л.: Искусство, 1990. – 222 с.
3. *Успенский Б.А.* Семиотика искусства. – М.: Яз. рус. культуры, 1995. – 357 с.
4. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
5. *Гадамер Г.-Г.* Игра искусства // *Вопр. философии.* – 2006. – № 8. – С. 164–168.
6. *Кристева Ю.* Разрушение поэтики // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* – 1994. – № 5. – С. 44–62.
7. *Кристева Ю.* Семиотика: критическая наука и/или критика науки // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* – 1997. – № 1. – С. 122–135.
8. *Алматов М.В.* Этюды по всеобщей истории искусств. – М.: Сов. художник, 1979. – 287 с.
9. *Волков Н.Н.* Цвет в живописи. – М.: Искусство, 1984. – 320 с.
10. *Фаворский В.А.* Об искусстве, о книге, о гравюре. – М.: Книга, 1986. – 239 с.
11. *Герчук Ю.Я.* Язык и смысл изобразительного искусства. – М.: Мособлупрполиграфиздат, 1994. – 175 с.
12. *Потапов И.А.* Художники Якутии. – Л.: Художники РСФСР, 1983. – 200 с.
13. *Потапов И.А.* Творческие проблемы художников Якутии (1945 г. – середина 1970-х гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 171 с.
14. *Габышева Л.Л.* Фольклорный текст: Семиотические механизмы устной памяти. – Новосибирск: Наука, 2009. – 142 с.
15. *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
16. *Носов М.М.* Якутская берестяная ураса. – Якутск: Изд. Якут. музея изобразит. искусств, 1954. – 31 с.

Поступила в редакцию
20.02.15

Тимофеева Влада Владиславовна, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник
 Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия)
 ул. Кирова, д. 9, г. Якутск, 677000, Россия
 E-mail: vladavladislavovna@yandex.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
 ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
 (Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 91–98

From Myth Poetics to Creativity Space: Tuyaara Shaposhnikova

V.V. Timofeeva

The National Fine Arts Museum of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 677000 Russia
 E-mail: vladavladislavovna@yandex.ru

Received February 20, 2015

Abstract

The artistic process is considered in the paper as one of the methods of reproduction, representation, translation, and transformation of ethnic mythological meanings and symbols, as well as their adaptation to the new conditions of multicultural existence. Tuyaara Shaposhnikova, one of the brightest representatives of contemporary fine arts of Yakutia, creates works that are characterized by the associativity and polysemy by combining the methods of the European art schools and traditional techniques of folk creativity. The works of the artist are permeated with symbols and metaphors of the national traditional culture. The modern author creates a cycle of colorful lithographs based on the plots of oral historical legends dedicated to Elley, the cultural hero and first ancestor of the Sakha people. The graphic artist is attracted to his image expressing the family power due to its symbolic potential. The myth is naturally included into the structure of engravings through the quotes of folklore plots and the expressions of cultural and historical archetypes. T. Shaposhnikova has developed her own style based on the motifs of folk art and folk traditions of the Yakuts. Her works are characterized by elegant decorativeness of the general solution related to the use of geometric ornaments, symmetrical or balanced structure of the composition, flatness, and conventionality of the picture. It is concluded that the fine art of Yakutia undergoes a material process of adaptation to the perception by other cultures, thereby overcoming the isolation and one-sidedness of folk images and motifs and revealing the semantic unity of human cultures.

Keywords: fine art of Yakutia, composition, style, image, myth, symbol, context, folklore

Captions for Illustrations

T. Shaposhnikova. Elley's Way. 2000. Paper, color lithograph. 40×80

T. Shaposhnikova. Omogoy's House. 2000. Paper, color lithograph. 48×61.5

T. Shaposhnikova. Wisdom in Backpacks. 2000. Paper, color lithograph. 45.5×60.3

⟨ **Для цитирования:** Тимофеева В.В. От поэтики мифа к пространству творчества: Туйаара Шапошникова // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 91–98. ⟩

⟨ **For citation:** Timofeeva V.V. From myth poetics to creativity space: Tuyaara Shaposhnikova. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 91–98. (In Russian) ⟩